

Булыгина Т.А.
**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ.
НА ПРИМЕРЕ СТЕНОГРАММ СОВЕЩАНИЙ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
КНИГИ «ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»¹**

Источниковедение историографии предполагает, как справедливо замечают современные исследователи, использование метода источниковедения для изучения истории исторической науки в междисциплинарном поле интеллектуальной истории [6, с. 203]. Анализ историографических источников включает не только историю и процесс их создания, но и воздействие в ходе их функционирования на социум и науку.

Авторы одного из последних учебных пособий по источниковедению считают, что информация историографического источника представляет собой данные о типе научного знания представленного в данном источнике, о типичности этого знания для современной ему историографической культуры. Автор раздела об историографических источниках С.И. Маловичко справедливо считает, что методика изучения таких источников вписывается в общую схему источниковедческого анализа. Вместе с тем, он полагает, что данный источник имеет свои особенности. Эта специфика, по мнению авторов, состоит в использованном историописателем материале [4, с. 597]. Заметим, что не только любой вид и даже подвид источника имеет свою специфику, которую надо учитывать при анализе, не говоря уж о разных типах источников. Сеем утверждать, что любой источник, в свою очередь, имеет источники, обусловленные антропологическим, социальным, историческим и научным контекстами.

Соглашаясь с тем, что при изучении монографического исследования как источника надо соблюсти основные этапы его анализа, мы должны отметить, что по возможности необходимо завершить этот анализ изучением архива создания этого произведения, о чем в учебном пособии не говорится. Особенно это важно при деконструкции как одного из инструментов изучения источника, и не только историографического, но и многих других видов, особенно эгоисточников, чтобы выявить намерения автора источника и его целеполагание, скрытые декларируемыми намерениями. Как писал Поль Рикёр, «история претендует не на *оживление*, а на пере-создание, на пере-дельвание, то есть на ретроспективное создание» исторических событий [5, с. 38]. Такому же ретроспективному созданию подвергается и историографический источник, и в этом процессе могут участвовать и источники истории создания историографического источника.

Рассмотрим архивные документы совещания по такому изданию, как «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)» [3]. Обращают на себя внимание доброжелательные обороты речи участников дискуссии и положительная оценка одной из глав второго тома этого труда. Для ораторов типичной фразой стало «присоединяюсь к выступившим товарищам». Однако за этим следует обязательное «но». Это типичный стиль пожданесоветского времени, когда вместо открытых и грубых обвинений в адрес «врагов народа» были приняты расплывчатые намеки на политические ошибки «отдельных товарищей». Правда, намеки часто заканчивались оргвыводами. О времени свидетельствует и некоторая смелость в речах официальных советских историков, особенно в регионах, ведь вертикаль власти была существенно ослаблена.

В целом дискуссия касалась различных аспектов северокавказской истории, в частности степени полноты освещения тех или иных проблем, их фундированности. Так, А.Х. Касумов предложил расширить международный аспект истории народов Северного Кавказа, показав роль отдельных народов в укреплении позиции как России, так и Турции на Северном Кавказе, а также участие Запада в противостоянии России на Черном море. Он отметил отсутствие сносков на вновь выявленные документы по истории внешней политики России [1, с. 28–30]. Х.Х. Рамазанов, профессор из Дагестанского университета обращал внимание на неточности и неполноту вопроса о поземельных отношениях и земельной политике царского правительства. Он выступил против представлений авторов одного из параграфов о горских крестьянах как о феодально зависимых, хотя они были свободными [1, с. 60–63].

¹Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917 – 1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

В ходе дискуссии среди представителей местной научной элиты в конце 1970-х – начале 1980-х годов уже наметился подъем национального самосознания, ограниченный рамками лояльности к партийно-государственной политике. Так, в речи А.Х. Касумова, историка из Кабардино-Балкарского университета таким «но» стала констатация отсутствия истории земель Закубанья, в частности Кабарды на фоне большого материала об Осетии [1, с. 27]. Не менее остро в этом же контексте прозвучали замечания Х.Х. Рамазанова по поводу сомнительности ряда терминов, устоявшихся в исторической литературе. В частности, это касалось «Кавказской войны». По мнению дагестанского историка события первой половины XIX века на Северном Кавказе являлись борьбой за независимость против царской России, а не Кавказская война [1, с. 62]. Эта тенденция была характерна не только для национальных республик и областей, но и для представителей русских районов, например, Кубани. Известный кубанский историк Б.А. Трехбратов в своем выступлении обратил внимание на отсутствие материалов об иногородних Ставрополья и Кубани, о недостаточных сведениях по поводу хозяйственного расслоения казаков [2, с. 92–93].

Уже тогда некоторые участники совещания критиковали «усредненный» стиль письма, когда в первых абзацах непонятно, о каком регионе идет речь. Ставропольский историк В.П. Крикунов справедливо заявил, что «если забыть, что ты читаешь региональную историю народов Северного Кавказа, не всегда можно понять все-таки, какому вопросу эта рукопись посвящена». Он был одним из немногих, кто поднимал голос в защиту научности и объективности: «Нам не нужны, ни черные, ни розовые очки» [1, с. 32–35]. Надо заметить, что обезличивание местной истории – типичная черта краеведческой литературы 1960–1980-х годов, когда местный материал был лишь иллюстрацией национальной модели отечественной истории. Существенно, что ряд исследователей сохранял такой «краеведческий» стиль, неприемлемый для научного издания. Этот позитивистский подход сохраняется и сегодня в ряде работ местных авторов.

Концентрированно официальную концепцию книги изложил ответственный редактор второго тома академик А.Л. Нарочницкий. Прежде всего, он попросил вписать историю северокавказских народов в общероссийский контекст, в данном случае в процесс развития капитализма в России. Главу о реформах на Северном Кавказе А.Л. Нарочницкий предложил предварить общими положениями о новом этапе в развитии России – переходе к капитализму и в истории Северного Кавказа – ликвидации имамата Шамиля и о подчинении Северного Кавказа России. Именно эти положения, на его взгляд, были важными теоретическими проблемами. Необходимо через весь текст провести основные закономерности развития страны через частные особенности региона. Вместе с тем, необходимо было выделить русское население Северного Кавказа, среди которого проходили несколько иные реформационные процессы, нежели у горцев. Кроме того, редактор предложил не игнорировать процесс переселения горцев в Турцию, но объяснить это влиянием мусульманства [1, с. 117–124].

Прослеживается стремление подвести разнородный материал под один знаменатель, подав его более обобщенно и «теоретично», придав книге именно монографический характер. В итоге работа, получив официальное определение «монография», в ряде случаев напоминала «очерки». Не случайно так назвал книгу один из участников дискуссии [1, с. 33]. По существу так считали и многие авторы труда. На очерковый характер рукописи обращал внимание и Б.М. Джумов из Адыгеи, который выступал за преемственность глав, как это положено в монографии. Из этого следовало, что такой связи не было [2, с. 86]. Один из авторов профессор Кабардино-Балкарского университета Т.Х. Кумыков обратил внимание на то, что вместо живого согласования мнений участников авторского коллектива, взгляды авторов не учитываются, и руководитель кроит главу по своему усмотрению [2, с. 83]. Представляется, что это была попытка вложить разнообразие подходов авторского коллектива в единую концепцию.

В ходе обсуждения макета книги, с одной стороны, наблюдается попытка сгладить все сложности истории Северного Кавказа в духе идеологических тезисов о «великой дружбе народов» и о прогрессивной роли России в жизни народов этого региона. С другой стороны, ощущается глухое недовольство ученых-представителей тех или иных титульных наций Северокавказского сообщества недооценкой ролью их этноса в местной истории. Кроме того, видно стремление коллектива авторов тянуть одеяло на себя: вместить больше текста о «своем» народе. Из обсуждения следует, что в рукописи были представлены различные взгляды историков

на социально-экономические процессы в регионе, различный источниковый уровень, разная степень научно-теоретических подходов, большее или меньшее влияние краеведения. Однако в целом текст усреднен и «идейно выдержан». Просматривается работа кураторов, которые проделали громадный труд, по приведению глав в надлежащий вид по этим параметрам. Они пытались придать материалу рукописи научно-теоретический характер и одновременно обеспечить тексты нужными идеологическими оценками. Из устных источников следует, что иногда эти редакторы вынуждены были переписывать целые главы. Это все и определяет не только контекст написания монографии, но и ее реальный жанр.

1. Архив Российской Академии наук (АРАН). – Ф. 1841. Оп. 1 Д. 1078.
2. АРАН. – Ф. 1841. Оп. 1 Д. 1079.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. редактор А. Л. Нарочницкий ; М. : Наука, 1988. – 659 с.
4. Источниковедение. Учебное пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015 – 685 с.
5. Рикёр, П. История и истина / П. Рикёр. – СПб. : Алетейя, 2002. – 400 с.
6. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / под ред. А. О. Чубарьяна. – М. : Аквилон, 2014. – 575 с.

Ерохин В.Н.

ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ АНГЛИИ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ

Британскими историками выявлена значительная источниковая база в изучении истории Церкви Англии реформационного периода. Важнейшим источником для оценки состояния Церкви Англии накануне Реформации остаётся перепись церковного имущества 1535 года *Valor Ecclesiasticus*, проведенная по инициативе королевской власти, и впервые опубликованная в первой трети XIX века [21].

Valor Ecclesiasticus была составлена главным образом светскими людьми, подобранными Томасом Кромвелем, многие из которых были мировыми судьями или другими служащими местной власти. Сохранились переписи от всех епархий, кроме Йоркской, но для этой епархии в 1536 году была составлена детальная перепись с оценкой имущества для совершения королевской визитации этого района. На этих материалах, находящихся на хранении в Государственном архиве Великобритании (PRO E 36/114; SC 11/roll 766), в своё время работал А. Н. Савин, исследуя вопросы, связанные с имуществом монастырей [15, р. 88]. По епархии Эли в Государственном архиве Великобритании материалов нет, но они сохранились в копии в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета Bodl., Tanner MS. 141, fos. 74 ff [11, р. 52]. Перепись *Valor Ecclesiasticus* была составлена буквально в течение нескольких месяцев, так что в переписи есть, как было установлено, некоторые упущения и неточности (например, в отношении монастырей в Ланкашире). В целом же *Valor Ecclesiasticus* впечатляет общей тщательностью и точностью работы.

Детальное описание архивов, которыми располагает Церковь Англии, содержится в сборнике «Обзор церковных архивов» (1946), подготовленном для пользования архивистами без публикации типографским способом [19]. Он напечатан машинописью в двух томах, и с него сделаны копии для Института исторических исследований в Лондоне и для крупнейших библиотек страны. В публикации Д. Оуэн перечислены те церковные архивы, которые доступны исследователям, с их местонахождением по графствам и характеристикой их каталогов [13]. Многие материалы по истории Церкви Англии находятся в главном архивохранилище страны – Государственном архиве Великобритании (Public Record Office (PRO), который находится в городе Кью в графстве Суррей). Материалы о сборе церковных субсидий по епархиям в XVI–XVII вв. хранятся в PRO Class E. 179 и содержат информацию о том, во сколько оценивался при обложении каждый бенефиций с упоминанием в некоторых случаях имени того духовного лица, которое уплачивало субсидию. Имеют значение также материалы суда лорда-канцлера об отлучениях от церкви, хранящиеся в PRO Class C. 85, и завещания духовных лиц, которые сохрани-